

Ги Жифар

КЛЮЧИЦЫ РЕВОЛЮЦИИ

Сюрреализм — с тех самых пор, как в 1924 году Андре Бретон с друзьями (Луи Арагоном, Робером Десносом, Полем Элюаром, Бенжаменом Пере и др.) основал его на обломках парижского дада, — был и по сей день остаётся чем-то бóльшим, чем очередное литературное и художественное авангардное течение. Ведь суть его нельзя свести к попыткам утвердиться в эстетической сфере или оставить след на ниве культуры, где со времён импрессионизма подвизались все «измы» современности. Вполне возможно, сюрреалисты, как и их бессменный кумир Артюр Рембо, хотели быть *абсолютно современными*, но в этом желании не стоит усматривать готовность к участию во всех исторических потрясениях без разбора или следование той или иной интеллектуальной моде — мимолётной, под стать всё более форсированным способам потребления, к которым призывает нечто, выдающее себя за философию (или даже идеал?) капитализма. Быть современным, идя по стопам Рембо, но — в отличие от последнего — не разочароваться в этом предприятии значит ожидать, что поэтическая мысль оградит от капиталистического безумия и вместе с тем позволит почувствовать, а стало быть, и осознать утопический потенциал мгновения, то есть той повседневности, где привычная пошлость может в один миг перевернуться вверх дном, закрутившись в вихре *волшебства*. Быть современным в таком смысле значит признать,

что время — это вовсе не единая линия схода, ведущая нас к абсурдной смерти (абсурдной вдвойне, поскольку нам, дескать, предстоит некий божественный суд). Время подобно многогранному кристаллу, оно отбрасывает бесчисленные отблески, и те, отражаясь в ослеплённом сознании, внушают высшей интуиции, что мгновение способно вобрать в себя вечность, если только прожить его со всей страстью и во всей полноте. Через озарение, через мощный удар молнии нам передаётся священный опыт, который не только не связан с религиозными враками или с бредовой теорией о невесте какой божественной трансцендентности, а наоборот, являет собой конечный смысл языка, преобразованного поэзией: для поэта-сюрреалиста нет ничего невыразимого, поскольку ему ещё только предстоит всё высказать, испытать все исконные чары и чудеса языка, чтобы заново околдовать опошленный мир. Вот где начинается миф, формы и знаки которого упорно ищет сюрреализм (ведь если говорить о сюрреалистическом искусстве, то только в перспективе подобного предприятия!), миф о современном разуме, способном найти волшебство в то мгновение, когда количественное время современной эпохи внезапно растворяется в качественном времени, ведущем из реальности в Век Сновидения, в *Алхеринга* австралийских аборигенов, в то самое время чародея Мерлина, где часы и компьютерные клепсидры оказываются всего лишь сбившимися с хода и на редкость бестолковыми механизмами...

Между сиюминутным вертиго и головокружением вечности возникает путь, открывающий нечто гораздо более притягательное, нежели приливы памяти или тождество истории — это словно бескрайняя материя, где в непрерывном движении обретаются мифы и легенды, начиная с преданий древнего Золотого века и заканчивая рассказами о совсем ином золотом веке, о котором все мы не перестаём мечтать, внимая блистательным поэтам-романтикам, первым социалистам, анархо-коммунистам и анархистам, обладающим по-

истине свободным воображением. Эти мифы, что искрятся в ткани времени, эти свидетельства наилучших традиций человеческой мысли, побуждающие сознание к самопреодолению в борьбе за собственные возможности и оставившие после себя лишь ностальгию по былому могуществу (сколь безграничен простор для взаимопроникновения снов и реальности!) – словно по наитию, первые сюрреалисты вновь нашли им применение и замену, открыв и освоив методы автоматического письма и гипнотического транса, и тем самым обновив язык, в котором, цитируя Бретона, «слова занимаются любовью». Им казалось, что после этих опытов, где язык – это (прежде всего, прежде любой практической потребности в общении) *свободная игра* мысли самой с собой и с формируемой ею картиной мира, после этого поистине чарующего – и каждый раз воспроизводимого! – мгновения, человеческий разум непременно должен стремиться к совершенно другому миропорядку, не имеющему ничего общего с повсеместно навязываемой рассудочностью, и участвовать в коллективном создании иной, наконец-то увлекательной жизни в обществе с радикально преобразованными нравами...

Столь обширные задачи сюрреализма заявлены – причём с довольно дерзким вызовом – в названии журнала «Сюрреалистическая революция», который вышел в конце 1924 года, несколько недель спустя после публикации первого «Манифеста сюрреализма» Андре Бретона. Действительно, необходимо произвести коренной переворот в вековых шаблонах западного мышления, а для этого нужно исследовать ресурсы воображения и сновидений и в водовороте повседневной жизни чутко реагировать на зов случая, бунта и самых что ни на есть подрывных желаний. В слове «революция» есть слово «грёза»¹, и сюрреалист Мишель Лейрис полагал, что революция может стать «разрешением любой грёзы». Эта сюрреалистическая революция начала искать свой путь, ещё не зная о жестоких разочарованиях, которые до сих пор приносила ей история, о возможностях сотрудни-

чества с революционными (а по большей части псевдореволюционными) течениями, причисляющими себя то к марксизму (к ленинистской его версии), то — как и сегодня — к традициям анархистского движения, и в первую очередь эта революция стремилась свершиться в борьбе с западной цивилизацией, с её зашоренной всеподавляющей логикой и с её религией (ведь разве христианство — а впрочем, и любая другая религия, будь то вера в Аллаха, Кришну, Будду или Доллар, — не яд для духа?). В отличие от остальных современников, которых заметно обтесала господствующая буржуазная мысль, сюрреалисты укрепляют свои связи со всем, что ей противоречит: с творчеством умалишённых, с так называемым примитивным мировоззрением народов Океании, с полиморфными детскими расстройками, впервые описанными в работах по психоанализу, с алхимическим учением об аналогиях, с кощунственным эротизмом маркиза де Сада и конечно же с интригующими трудами Изидора Дюкасса, графа Лотреамона... И для них эти связи — вовсе не повод для пустых разглагольствований, а осязаемые рычаги, позволяющие подрывать существующие устои и множить разломы в антропологической конструкции, которой, как очередной Бастилии, суждено превратиться в развалины.

В «Стихотворениях» Дюкасса, в этом вступлении к книге, которая так и не увидит свет, есть две короткие и хлёсткие фразы, ставшие для сюрреалистов своего рода манифестом: «Поэзия должна твориться всеми. А не одиночками». Показывая, что поэзия — это общественное достояние, принадлежащее любому, кто только захочет прислушаться к своему подсознанию и предпочтёт его «автоматическое послание» (Бретон) вздору разной степени серьёзности, наводняющему жизнь добропорядочных граждан, сюрреализм таким образом предлагает средства радикального разрушения общепринятых условностей. Если Рене Декарт оправдывал приписываемое разуму всеислие сомнительным утверждением, гласящим, что «здравомыслие есть вещь, распределённая

справедливее всего»², то для сюрреалистов, наоборот, именно воображение, иными словами, поэтическая мысль есть наиболее справедливо распределённый ресурс человеческого сообщества, пусть даже последнее и не подозревает о богатстве собственных сновидений и продолжает метаться в лихорадке буржуазного безумия. То есть сюрреалисты убеждены, что проявление воображения и исследование фантазий — это условие, ведущее к пересмотру взаимоотношений с миром, к необходимой критике наших представлений и к поиску революционного решения. Свобода воображения — вот основа возрождённого воображения, которым должна обладать свобода, и тогда она перестанет быть абстрактным лозунгом, выгравированным на фронтонах административных зданий, и вновь обретёт ту мощь, что намагничивает сердце и дух всякого бунта.

Сочинить стихотворение, написать картину, составить коллаж, запечатлеть что-либо на случайном снимке, создать необычный, волнующий предмет, делать всё так, словно любой жест или его отсутствие подчиняется той *созидающей лени*, которая, очевидно, служит первой ступенью на пути к описанному Шарлем Фурье *привлекательному труду*, — во всём этом сюрреалисты видят задачи, далёкие от эстетических. Такая деятельность в корне отличается от бездушных манипуляций жалкой шайки художников, которые тешат своё тщеславие, поддерживая и даже усугубляя чувственное и интеллектуальное убожество этого мира, и притом корчат до того серьёзную мину, что больше походят на бизнесменов, чем на разбитых бунтарей. Деятельность сюрреалистов отличается тем, что она основана на игровой практике, а значит, соответствует принципу удовольствия. Ведь сюрреалист воспринимает себя скорее как *homo ludens*³, чем как *homo faber*⁴: в нём всё ещё живёт ребёнок, перед ним до сих пор открыты двери в «рай зелёный, что полон ребяческих снов» (Шарль Бодлер)⁵, и там его встречает то Алиса Льюиса Кэрролла, то Жюльетта маркиза де Сада, а под могучим дубом друи-

дов день и ночь ждёт его фея Мелюзина... Эти творения, эти игры, в которые можно играть самостоятельно или вместе с другими участниками, нацелены на то, чтобы обновить бессознательные механизмы поэтической мысли и открыть её освободительное предназначение любому желающему. Вслед за Артюром Рембо сюрреалисты заявляют, что поэтическая деятельность способна *преобразовать жизнь*. Но правда ли моя жизнь преобразована, если якобы принадлежащая мне внутренняя свобода без конца сталкивается с нищетой этого мира? Так, в скором времени первым сюрреалистам становится понятно, что повсеместную нищету необходимо изжить, а для этого нужно, откликнувшись на призыв Маркса, *изменить мир*. Споры о средствах воздействия продолжаются с тех самых пор, но при этом непреклонно растёт число задач, которые требуется выполнить для разрушения и упразднения господствующего миропорядка. В частности, из всех сторон, вовлечённых в общественную и политическую борьбу, важно выделить по-настоящему революционные силы и внушить им, что даже если битвы за освобождение духа и сражения пролетариата и остальных угнетённых слоёв разворачиваются на разных плоскостях, все они всё равно преследуют одну и ту же цель, масштаб которой им, к слову, и предстоит задать. Цель эта состоит в том, чтобы свергнуть существующий строй и как минимум заложить фундамент новой цивилизации.

Именно поэтому с самого начала во всех коллективных декларациях, листовках, открытых письмах, обращениях и манифестах сюрреалисты объясняли, почему их так возмущает старый мир, очередное уполномоченное ничтожество, очередное воплощение Папаши Убю, прокладывающее путь к катастрофе или к позору, — и это резкие, но неизменно целебные тексты. Зачастую в них выражается гневная реакция на какую-нибудь вопиющую несправедливость, но есть среди них и такие, которые приветствуют события или действия, пронизанные живым ветром свободы: так или иначе, все

они провоцируют, тревожат, будоражат умы. И хотя эти тексты всегда писались на злобу дня, их ни в коем случае нельзя сводить к заведомо недолговечным приметам времени: под пологом конкретных событий можно обнаружить более общую радикальную критику и переосмысление идеи сюрреализма, которая постепенно приближается к насыщенности утопических фантазий и всё больше соответствует столь любимому Шарлем Фурье принципу *абсолютного разрыва*.

История двадцатого века изобилует различными свидетельствами сюрреалистической подрывной деятельности, и даже сегодня, пятьдесят лет спустя после смерти Андре Бретона сюрреалистическое движение не только продолжает существовать, но и с особым рвением разрабатывает первоначальные революционные задачи. Взглянув на хронологию этих текстов, читатель сразу заметит, что сюрреализм, зародившийся в Париже, очень быстро распространился за пределами Франции, приобретя международное значение и интернационалистский характер, который, в числе прочих факторов, обеспечил этому движению подлинную революционную ценность. Напомним, к примеру, что в списке подписей под текстом листовки «Революция: сейчас и всегда!», которую напечатали в Париже в 1925 году революционно настроенные интеллектуалы, значилось лишь несколько «иностранцев имён»: Макс Эрнст, Мони де Були, Душан Матич (впоследствии ставший одним из основателей югославской сюрреалистической группы). Но вскоре к парижской группе примкнули испанцы Луис Бунюэль и Сальвадор Дали, затем швейцарец Альберто Джакометти, румын Виктор Браунер, австриец Вольфганг Паален — вот лишь некоторые из тех, кто обосновался на берегах Сены до начала Второй мировой войны. И хотя благодаря фигуре Андре Бретона — по крайней мере вплоть до его смерти в 1966 году — парижская группа играла первую скрипку в сюрреалистическом движении, уже в 1920-е годы коллективы с аналогичными идеями и задачами стали возникать и в других стра-

нах. По счастью, таких стран было немало: Бельгия, Япония, Югославия, Чехословакия, Великобритания, Дания, Румыния, Греция, Египет, Аргентина – и это ещё до Второй мировой бойни. Сегодня сюрреалистические группы ведут активную деятельность в Париже, Мадриде, Лондоне и Лидсе, Праге, Стокгольме, Афинах, Коимбре (Португалия), Чикаго, на острове Денман (Канада), в Сан-Паулу и в Сантьяго. Кроме того, в этом перечне нельзя не упомянуть разбросанных по свету независимых участников движения, которые постоянно сотрудничают с сюрреалистическими коллективами. В связи с этим списком стоит, конечно же, отметить, что из-за гнетущей политической обстановки никаких сюрреалистических объединений ни в Советском Союзе, ни позже в России не существовало, как не было их и в нацистской Германии, в фашистской Италии или в маоистском Китае. Однако в 1970-е годы на перепутье между Лондоном и Парижем сформировалась группа арабских сюрреалистов *в изгнании*: спасаясь от полицейского режима, который свирепствовал в их родных землях, наши друзья с гордостью дали своему журналу «Анархистское желание» такой подзаголовок: «Журнал, запрещённый во всех арабских странах». Они и впрямь с одинаковым неистовством презирали псевдосоциалистические диктатуры и мусульманство!

Двойной мишенью первого текста, вошедшего в эту антологию, стала безумная система тюрьмы и армии, последний же текст обращён к посетителям международной выставки под названием «Погоня за объектом желания», организованной в Монреале силами маленькой группы квебекских сюрреалистов, без какой-либо государственной субсидии или поддержки от частных фондов. Эта выставка была посвящена желанию, внутреннему огню, озаряющему каждого из нас, о котором, однако, сегодняшние сюрреалисты вынуждены рассуждать иначе, чем их предшественники. Действительно, в 1920-е годы общество, где тогда ещё царила христианская мораль, целомудренно подавляло желание,

пагубную силу Эроса, и потому оружием сюрреалистов зачастую были правонарушения, скандалы, богохульство и чёрный юмор. Теперь же, почти сто лет спустя мы видим иную картину: Эрос, «неделимое ядро ночи» (Бретон), совершенно беззащитно эксплуатируется в условиях рыночной тирании, и то, что звезда Либида естественным образом разжигала в каждом человеке, та сущность, которая с растущей требовательностью и чувственностью рвалась к свободе, сегодня становится лишь рычагом для стремительного подчинения тлетворному спектаклю Экономии. Этот спектакль изо дня в день всё сильнее запутывает реальность в сетях гипнотического рабства и циничного или отупелого непротивления иллюзорным противоречиям, которые хоронят мир за тысячами смердящих экранов, и точно так же попытки сознания воспринять собственный путь всё больше прогибаются под игом обновлённых технологий массового оболванивания, неизменно подкрепляемых старыми религиозными механизмами и фаталистскими доктринами, которые сегодня предстают в оголтелой ипостаси извращённого культа прогресса. На протяжении всей своей — теперь уже легендарной — истории сюрреализм стремился совершить революцию желания, и тем самым разжечь желание революции, которую мы считаем необходимым условием для того, чтобы желание это впредь смогло противостоять тоталитарным соблазнам Танатоса. Мы надеемся, что в текстах, представленных на следующих страницах (а выбрать их из столь обширного материала было нелегко), в этих коллективных обращениях сюрреалистов из разных стран к современникам читатель найдёт и узнает нечто, способное вдохновить его самого на сопротивление и убедить в том, что понимание собственных фантазий позволит ему внести свой вклад в коллективную мечту о новой цивилизации, где не будет, наконец, ни богов, ни властителей.